

А.В. Савицкая

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ШВЕДСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Местоимение справедливо считается одной и наиболее стабильных частей речи в шведском языке — за всю свою историю система местоимений претерпела крайне мало изменений. Именно поэтому большой интерес вызывают процессы, происходившие в сфере личных местоимений во второй половине XX в., и то новое, что привнес в эту сферу век XXI.

В конце 1960-х годов в Швеции произошла так называемая «*du-reformen*» — реформа, в результате которой шведы перешли на «ты». Однако в дальнейшем оказалось, что эта реформа повлекла за собой не только смену местоимения при обращении, но и внесла существенные изменения в частотность употребления большинства личных местоимений. В статье с симптоматичным названием *Du-reformen som blev jag-revolutionen* («Переход на “ты”, имевший революционные последствия для местоимения “я”») Л. Мелин приводит статистику, полученную в результате исследования баз данных шведских газет за 1965–2004 гг., и приходит к выводу, что все личные местоимения стали употребляться чаще, правда, увеличение произошло очень неравномерно. В процентах это выглядит следующим образом:

<i>Jag</i> (я) 103	<i>Vi</i> (мы) 70
<i>Du</i> (ты) 549	<i>Ni</i> (вы) 9
<i>Han</i> (он) 17	<i>Hon</i> (она) 107 ¹

Местоимения *den* и *det*, замещающие в основном неодушевленные существительные, и местоимение *de* 'они' не анализировались, поскольку по форме совпадают с определенными артиклями, что крайне затрудняло их подсчет.

Колоссальный скачок в частотности употребления местоимения *du* Л. Мелин объясняет тем, что одновременно со сменой формы обращения в Швеции начал меняться стиль жизни в целом и стиль официального общения. В языке рекламы, а также информационных текстов и целого ряда документов наблюдается стремление к большей интимности. Официальный текст теперь оказывается обращенным не ко всему населению в целом, а к каждому человеку или юридическому лицу в отдельности, в результате чего местоимение «ты» все чаще появляется там, где раньше употреблялось «вы» в значении множественного числа².

Значительно чаще на страницах прессы стали встречаться и оба местоимения первого лица. Этот факт можно считать следствием тех же процессов, толчок которым дала реформа в сфере обращения. Л. Мелин отмечает, что если раньше стилистическим идеалом были фразы, в которых содержание говорило само за себя, то теперь необходимо проявление личной заинтересованности, неформальности и стремления к диалогу. А это достигается, в частности, устранением обезличенности, на смену которой приходит диалог между *jag/vi* (я/мы) и *du* (ты). Вот примеры, на которых Л. Мелин показывает поэтапную эволюцию рекламного текста:

1. **Den nya synten kan göra schlagerlåtar** (Новый синтезатор может создавать мелодии для шлягеров).

2. **Den nya synten kan hjälpa er med schlagerlåtar** (Новый синтезатор может помочь вам с мелодиями для шлягеров).

3. **Du kan få hjälp med dina schlagerlåtar av den nya synten** (Ты можешь получить помощь в создании твоих мелодий для шлягеров от нового синтезатора).

4. **Vi hjälper dig med dina schlagerlåtar. Pröva vår nya synt** (Мы поможем тебе с твоими мелодиями для шлягеров. Испробуй наш новый синтезатор)³!

Отметим также, что крайне неравномерно увеличилась частотность употребления местоимений третьего лица — *han* (он) и *hon* (она). Если в первом случае фиксируется увеличение на 17 %, то во втором — больше чем вдвое (107 %). Такой перекокс объясняется, безусловно, произошедшим за исследованный период кардинальным изменением роли женщины в обществе. Резко возросло количество женщин, занимающих руководя-

щие должности и важные политические посты. Неизбежным следствием этого должно было стать сокращение количества замещающих местоимений мужского рода и увеличение их аналогов женского рода. Кроме того, на страницах газет (а использовалась именно эта база данных) шведские женщины ведут активную борьбу за равноправие, открыто говорят о своих проблемах и отстаивают свои права во всех сферах жизни.

Однако если рассмотренный материал демонстрирует просто рост употребительности ряда местоимений, то сегодня можно говорить о появлении в шведском языке нового, нейтрального в гендерном отношении, местоимения третьего лица — *Hen*. Толчком к его возникновению стали все та же борьба за равноправие полов и стремление закрепить ее результаты в языке. Одним из проявлений данных процессов стала актуализация вопроса о замещающих местоимениях в тех случаях, когда половая принадлежность лица неизвестна или несущественна. Традиционно в таких случаях использовалось местоимение *han* (он): När en svensk läkare frågar **en svensk patient om han** har ont och får ett jakande svar, då vet läkaren att smärtan är stor⁴ (Если шведский врач спрашивает шведского пациента, больно ли тому, и получает утвердительный ответ, то врач понимает, что боль сильная). Однако в последние десятилетия подобное употребление «мужского» местоимения стало рассматриваться многими как дискриминационное по отношению к женщинам, и развернулась дискуссия по поводу альтернативных «нейтральных» вариантов. Среди них предлагалось использовать изобретенное еще в 1966 г., но не получившее тогда широкого распространения местоимение семантического общего рода единственного числа — *Hen*. Идея нашла широкую поддержку у членов ЛГБТ-сообщества, в первую очередь у трансгендеров, поскольку такое местоимение избавляло от необходимости уточнять пол конкретного лица.

Особенно жаркие дебаты развернулись в начале XXI в. Переломным многие считают 2012 г., когда в Швеции вышла маленькая детская книжка «Киви и собака-чудовище»⁵, пол главного героя которой — малыша Киви — никак не оговаривается, а в качестве замещающего местоимения используется *hen*. На многочисленных иллюстрациях Киви предстает в полосатом комбинезоне, с чем-то вроде кокона на голове и в очках. Открывается книжка вступительным словом автора текста Йеспера Лундквиста, озаглавленным: «3 возможности вместо 2!» Здесь автор мотивирует свою позицию и говорит, в частности, следующее: «*Hen* — это не только “курица” по-английски. Это еще и третье личное местоимение шведского языка! Дополнение к *han* и *hon*. <...> Такие слова, как *han* и *hon*, влекут за собой

множество представлений, которые часто являются стереотипными. А в такой книжке, как эта, где гораздо важнее, кто Киви и что Киви делает, а не он Киви или она, исключительно удобно использовать слово *hen*. *Hen* включает и то и другое, и читающий ребенок может свободнее отождествлять себя с героем книжки, независимо от того, называют ребенка “он” или “она”»⁶.

Эта маленькая детская книжка словно открыла ящик Пандоры, и начались бурные споры по поводу возможности/необходимости использования нового местоимения. В Интернете сразу появилось множество статей и частных мнений по данному вопросу. Во многих из них 2012 г. даже именовался «годом *hen*». В сентябре 2012 г. одна из крупнейших газет Швеции «Дагенс нюхетер» ввела запрет на употребление местоимения *hen* в новостных статьях и репортажах. В ответ на это один из журналистов создал в Интернете сайт DHEN.se, который копировал материал официального сайта газеты (DN.se), но все местоимения *han* и *hon* автоматически заменялись там на *hen*. После громкого скандала новый сайт был закрыт, но дебаты вспыхнули с новой силой.

Нельзя не отметить, что в процессе продолжительных дискуссий у слова *hen* начинали появляться производные. В ноябрьском номере журнала «Språktidningen» за 2012 г. публикуются три такие новые лексические единицы:

1) **hensexa** — вечеринка (в преддверии свадьбы) с участием гостей обоих полов. Слово образовано по аналогии со *svensexa* ‘мальчишник’;

2) **henifera** — заменять в тексте (при помощи компьютерной программы) все местоимения *han* и *hon* на *hen*. Слово возникло после появления сайта DHEN.se и было впоследствии включено Советом по языку в список новой лексики за 2012 г.;

3) **henerator** — программа, заменяющая местоимения *han* и *hon* на *hen*⁷.

Помимо этого в статьях, посвященных этому вопросу, встречаются и другие новообразования: *hennande* ‘употребление *hen*’, *hen-året* ‘год *hen*’, *hen-debatten* ‘дебаты о *hen*’, *hen-förespråkare* ‘сторонники *hen*’, *hen-användare* ‘употребляющие *hen*’, *hen-hatare* ‘ненавидящие *hen*’, *hen-kramare* ‘борцы за *hen*’.

Со временем изменилось и отношение к *hen* специалистов по языковому нормированию: от пессимистической позиции они постепенно перешли к нейтральной, а затем фактически дали добро на использование *hen*. Со своими рекомендациями по вопросу выступил Совет по языку. В них,

в частности, говорится о необходимости разграничивать два случая употребления нового местоимения:

1. Когда речь идет о замещении антропонима, пол которого неизвестен, несуществен или не требует уточнения, иными словами, об альтернативе выражениям «он или она» или «соответствующее лицо». То есть *hen* наделается в этом случае обобщающей функцией, замещая представителя любого пола.

2. Когда речь идет о конкретном лице, не желающем, чтобы его характеризовали как «мужчину» или «женщину». В отличие от предыдущего случая здесь *hen* эксплицитно демонстрирует отказ от гендерного подхода к человеку и употребляется вместо *han* или *hon*⁸.

В июле 2014 г. главный редактор нового (14-го) издания Словника Шведской Академии (SAOL) С.Й. Мальмгрен объявил о том, что в Словник будет включено местоимение *hen*. Вышедший весной 2015 г. Словник действительно включает местоимение *hen*. В качестве генитивной формы предлагается использовать *hens*, а в качестве объектной формы — *hen* (она считается более предпочтительной, чем *henom*). У нового местоимения выделяются два значения, полностью соответствующие приведенным выше рекомендациям Совета по языку⁹. Поскольку Словник является основным нормативным словарем, включение в него *hen* дает основания говорить о фактической легализации нового личного местоимения в шведском языке. Некоторые исследователи уже отметили, что подобного революционного изменения система местоимений не претерпевала с XVII в., когда в шведском языке появилось местоимение *Ni* (вы).

* * *

После краткого описания новой ситуации в системе шведских личных местоимений, обратимся к вопросу их перевода на русский язык. Традиционные «методы борьбы» с местоимениями хорошо известны любому профессиональному переводчику — достаточно вспомнить слова Норы Галь: «Словесные иксы и игреки, всякие *this, that, it*, несчетные он и она почти всегда, за редчайшими исключениями, лучше в переводе раскрывать, расшифровывать»¹⁰. Вместе с тем думается, что эволюция в системе шведских личных местоимений привнесла в работу переводчика новые проблемы.

В первую очередь это касается перехода шведов на «ты». В любом тексте перед переводчиком встает вопрос: А как должны разговаривать персонажи по-русски? Аналогичным вопросом задаются и переводчики с ряда других языков, но в случае шведского языка проблема усугубляется тем,

что обращение на «вы» все-таки не полностью вышло из употребления. В ряде ситуаций формального общения оно по-прежнему используется. Более того, начиная с середины 1980-х годов оно даже немного укрепило свои позиции, когда молодежь, работающая в сфере сервиса, стала использовать *Ni* в качестве вежливого обращения к старшим. Эта не совсем однозначная ситуация с обращением временами находит отражение и в литературе.

В качестве примера можно взять написанный в 2004 г. роман Мари Хермансон «Двойная жизнь»¹¹. Героиня романа — преуспевающая бизнес-леди, для развлечения нанимается домработницей на виллу, и в оригинале при первой встрече они с хозяином оба говорят друг другу «вы»: *Vad heter ni förresten? -undrade han*¹². Но вот соглашение достигнуто, и с первого рабочего дня хозяин начинает обращаться к героине на «ты» (*Så bra att du redan är här, Nora, sade han*¹³), а она к нему — на «вы» (*Jag trodde att ni kanske ville ha dem / skjortorna / strukna*¹⁴). Здесь автор, вероятно, как раз иллюстрирует почтительное обращение обслуживающего персонала к хозяину. Затем в романе возникает стрессовая ситуация: хозяину становится плохо, ему надо в больницу, он очень напуган и говорит, что умрет. Героиня, забывшись, одергивает его привычным для себя образом, автоматически переходя на «ты» («*Lägg av med de där dumheterna. Du ska inte dö, sade hon barskt*¹⁵). Тем же вечером она обдумывает, что отбросила почтительное «вы», но переходить обратно ей кажется странным. Хозяин же на смену обращения никак не реагирует, явно воспринимая «ты» как нечто естественное.

Как же выходит из этой ситуации переводчик? В русском тексте герои разговаривают на «вы» до тех пор, пока хозяин не выходит из больницы, выяснив, что его жизнь вне опасности. Тут он сразу почему-то начинает говорить домработнице «ты», а та продолжает обращаться к нему на «вы», и только вечером, когда звонит хозяину справиться о его здоровье, внезапно переходит на «ты» и, спохватившись, решает, что возвращаться к старому обращению странно. Для русского читателя, возможно, это выглядит естественным, но картина взаимоотношений героев видоизменяется, плюс полностью утрачивается подтекст социального неравенства. Был это выбор переводчика или редактора, разумеется, остается за кадром.

Личный переводческий опыт автора статьи говорит о том, что отстоять нюансы, связанные с переходом от «вы» к «ты» или наоборот, часто бывает трудно. Так, попытка немного «поиграть» с обращениями в переводе одного из романов Стига Ларссона закончилась неудачей: редактор, не советуясь с переводчиком, просто «выровнял» обращения, и никаких пере-

ходов не получилось. По иному сложилась ситуация при переводе романа «Девочка-ворона» (автор Эрик Аксл Сунд). Там две героини — комиссар полиции и психолог — знакомятся по работе, причем поначалу сотрудничество у них не складывается. По-шведски они говорят друг другу «ты», но по-русски они, несомненно, были бы на «вы». Однако затем они сближаются и даже становятся больше, чем подругами, следовательно, они в какой-то момент должны по-русски перейти на «ты». Когда одна из них первый раз приходит к другой в гости и у них за бокалом вина завязывается откровенный разговор, в русский текст была вставлена реплика с предложением перейти на «ты». Редактор, знающая шведский язык, заметила переводческую уловку, но поняла ситуацию и согласилась с таким решением.

Появление в шведском языке нового местоимения *hen* сулит русскому переводчику принципиально иные проблемы. Фразы, в которых *Hen* замещает лицо, пол которого неизвестен и несуществен, в большинстве случаев особых трудностей не составят, поскольку в отличие от шведского языка, где большинство антропонимов относится к грамматическому общему роду, в русском замещающее местоимение должно выбираться согласно правилам грамматики или его можно просто опускать: *Föraren uppgav att hen hade sett på vägkartan strax innan dikeskörningen inträffade och inte märkt att hen kommit för nära diken* (газета «Österbottens Tidning») — «Водитель сообщил, что непосредственно перед аварией смотрел на карту и не заметил, что подъехал слишком близко к канаве».

Нельзя, правда, не отметить, что по-русски иногда все же возникает ощущение, будто речь идет о лице мужского пола. Поэтому в некоторых ситуациях можно пойти на замену единственного числа множественным: *Det går inte att slinka ner till tvättstugan på vinst och förlust med förhoppning om att en granne inte behöver alla maskiner som hen har bokat.* (газета «Göteborgsposten») — «Нельзя потихоньку проскользнуть в прачечную на свой страх и риск, в надежде, что кому-нибудь из соседей не понадобятся все зарезервированные стиральные машины».

Dottern: Mamma, jag var hos doktorn i dag! (Мама, я сегодня была у врача!)

Mamman: Eh, vad sa **hen**? (И что тебе сказали?)

Dottern: Hon sa att jag kommer att bli frisk! (Она сказала, что я поправлюсь!)

В случаях, когда новое местоимение употребляется аналогично существительному, его, вероятно, можно будет заменять словом «человек» или «личность»:

Gemene hen beter sig ju som att jordens svek just begetts (газета «Met-ro») — «Средний человек ведь ведет себя так, будто только что произошло колоссальное предательство».

Vem är egentligen marknaden? Är det en hon, en han eller rent av en hen? (газета «Södra Dalarnes Tidning») — «Кто же все-таки представляет “лицо” рынка? Она, он или попросту личность?»

Однако если автор принципиально не хочет указывать пол персонажа, перевод такого текста на русский язык без искажения авторской мысли может оказаться чем-то вроде «непереводимой игры слов». Детская книжка про Киви, о которой говорилось выше, еще относительно простой пример. Во-первых, местоимением *hen* заменяется только главный персонаж, имеющий «нейтральное» имя, которое вполне можно использовать вместо местоимения. Во-вторых, книга написана в настоящем времени, что позволяет в русском языке избегать глагольных форм, указывающих на родовую принадлежность:

Hen tvättar och tvålar (Киви моет и намыливает /чудовище/).

Kivi går upp, lägger örat mot dörren, helt stilla, och lyssnar: hen tycker hen hör en flåsning — ett gläfs! (Киви встает с кровати, тихонечко прикладывает ухо к двери и слушает: кажется, будто там кто-то сопит — гавкает!)

Kivi blir stående, stel som en sten, för där, framför henom, <...> smackar och smaskar ett hiskeligt djur (Киви стоит, точно окаменев, потому что видит перед собой <...> чмокающее и чавкающее чудовище).

Ситуация сразу усложнится, если персонаж обладает именем, которое знакомо русскому читателю и должно склоняться:

Sara: Kalle, har du träffat **Kim**? (Калле, ты знаешь Кима?)

Kalle: Nej, vem är **hen**? (Нет, а кто это?)

Sara: Han är min kompis (Мой друг).

Здесь имя персонажа, вероятно, придется менять, а кроме того, в русском переводе полностью выпадет принципиальная позиция Калле, употребляющего новое дискуссионное местоимение.

Куда труднее придется переводчику (особенно работающему устно) при столкновении с таким случаем, когда кто-то принципиально не желает раскрывать свой или чей-то пол. Употреблять местоимение «оно» в переводе нельзя, поскольку это вызовет смех и только усугубит ситуацию. Кроме того, если пол человека неизвестен, то чаще всего невозможно выстроить грамотную русскую фразу. Следовательно, легко представить себе проблемы переводчика, которому нужно перевести непринужденную беседу трансгендеров. Впрочем, в тупик иногда могут поставить и куда более без-

обидные случаи. Так, в шведской телевизионной программе «Бабель» есть рубрика, призванная помочь человеку подобрать подходящую книгу, чтобы справиться с той или иной жизненной ситуацией. Зрители присылают письма, и писатели дают им советы. Однажды ведущая зачитала письмо, где речь шла о ссоре с человеком, который именовался «partner» (партнер) или «hen», а подписано письмо было «student» (студент). Учитывая, что слова «партнер» и «студент» употребляются в шведском языке для обозначения лиц обоих полов, сколько-нибудь адекватно перевести такое письмо на русский язык было бы невозможно в принципе.

Подводя итог вышесказанному, остается констатировать, что эволюция системы шведских личных местоимений ставит перед русскими переводчиками новые и порой неразрешимые проблемы.

* * *

¹ *Melin L.* Du-reformen som blev en jag-revolution // *Språktidningen*. Oktober 2007. S. 18.

² *Ibid.* S. 20.

³ *Ibid.* S. 20–21.

⁴ *Herlitz G.* Svenskar. Hur vi är och varför vi är som vi är. Uppsala: Konsultförlaget AB, 1991. S. 74.

⁵ *Lundqvist J., Johansson B.* Kivi & monsterhund. OLIKA förlag AB, 2012.

⁶ Нумерация страниц в книге отсутствует, поэтому здесь и далее номера страниц не указываются.

⁷ *Språktidningen*. November 2012. S. 13. <<http://spraktidningen.se/>> (дата обращения: 25.06.2015).

⁸ Institutet för språk och folkminnen <<http://www.sprakradet.se/>> (дата обращения: 26.06.2015).

⁹ Svenska Akademiens Ordlista över svenska språket. Stockholm: Svenska Akademien, 2015. S. 469.

¹⁰ *Галь Н.* Слово живое и мертвое. 5-е изд. М.: Международные отношения, 2001. С. 41.

¹¹ *Хермансон М.* Двойная жизнь. М.: Центрполиграф, 2011.

¹² *Hermanson M.* Hembiträdet. Stockholm: Albert Bonniers förlag, 2004. S. 48.

¹³ *Ibid.* S. 78.

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Ibid.* S. 110.